

ЗАВТРА НАШИХ ГОРОДОВ

КАКИЙ должен быть город будущего? Как те высокие требования к городу, которые предъявят гражданин теперь уже коммунистического недалеко, совместно с теми насущными нуждами, какие выдвигает жизнь сегодня?

Вот два главных вопроса градостроительства в нашей стране, из них вытекают множество других.

Об этом говорили на завершившемся вчера в Кремле Всесоюзном совещании по градостроительству, об этом коллективно думали две с половиной тысячи представителей многочисленной армии тружеников, благоустройстваков наших городов, создающих наши жилища.

Такое совещание состоялось у нас впервые. Как сказал в своем докладе председатель Госстроя СССР В. А. Кучеренко: «Оно создано потому, что наша партия и правительство хотят, чтобы подводные наши города и поселки были достойными советского человека — строителя коммунизма, чтобы они были самыми удобными, благоустроенным и красивыми.

Самыми удобными... Благоустроенные... Красивы... При всем том еще экономичны. Ведь только один процент экономии стоимости домов дает дополнительную за семилетку полтораста тысяч квартир! Было над чем подумать градостроителям, и в

первую очередь архитекторам.

Все единодушно пришли к решению, что, продолжая и дальше наращивать темпы выполнения грандиозной программы жилищного строительства, градостроители обязаны одновременно развивать и все остальное сложное коммунальное хозяйство городов. Необходимо расширить и совершенствовать сети водопровода, газопроводов и канализации, транспорт и связь, строить большие школы, лечебных и детских учреждений, театров, кино и клубов, магазинов и предприятий общественного питания.

Перспективный градостроительный план, разрабатываемый архитекторами, должен быть тесно связан с

народнохозайственным планом. В этом залог будущих успехов градостроителей.

На снимке: Герой Социалистического Труда бригадир бригады коммунистического труда строительства «Красногорскстрой» Павел Чечулин, секретарь Киевского городского комитета КП Украины Н. Шавловский в зале заседаний Большого Кремлевского дворца.

Фото В. Соболева и А. Стужина

О ПИЩЕ ДУХОВНОЙ, КАК ХЛЕБ НАСУЩНОМ...

ЭТО ГОРОД!

Выходу из автобуса и глазам своим не верю: типичный поселок. Десятка два три современных двухэтажных домов, столько же коттеджей с мезонинами, новая средняя школа, клуб с колоннадой, а за ними — домики в садах, а дальше — терриконики, а вокруг — холмы, холмы и где-то в отдалении другие такие же поселки, и терриконики, и голубые дымки.

— А где же сам город?

— Так это же он и есть! Странный, непривычный взгляд на город, состоящий не то из одиннадцати, не то из пятнадцати отдельных поселков, растянувшихся на расстояния не то 20, но 45 километров, насчитывающий население не то под шестьдесят, не то за восемьдесят тысяч человек...

— Почему же такой разнобой?

— Очень просто. Местная советская власть — гордисполком — считает лишь то, что находится непосредственно в черте города. Партийные и профсоюзные органы берут на учет все шахты и стойкости, входящие в трест «Гуковуголь», и все их население, тяготящееся к городу Гуково по производственной, партийно — пропагандистской, культурной и воспитательной линии, пусть даже это население формально находится в соседнем районе.

Как бы то ни было, Гуково — довольно большой, а главное, перспективный город. Он — в росте. Строятся новые шахты, в том числе Первая гуковская, которая будет давать углекомплексу же, сколько давал весь трест в 1950 году.

Вокруг будущих шахт создаются новые благоустроенные поселки, расширяются и прихорашиваются старые. Рассостояние между ними становится все меньше, и где-то... ну, не будем уточнять дату, — где-то в не очень далеком будущем оберегаемой местной властью, возникнет единое поселение — социалистическое Гуково.

К этому мы идем. Это обязательно будет. А пока... Пока, словно на подростка, выхваченного из своего костюма, у города тут что-то коротко или узко, там тянет и давит, а там трещит по швам.

Мы беседуем с одним из секретарей горкома партии. Речь идет о большом и радостном, хотя и не лишенном трудностей росте нового города, о возможной культуре строительства, о высокой культуре труда. Секретарь горкома интересно говорит о будущем города.

НУ, А ОБЩАЯ КУЛЬТУРА,

С НЕЮ КАК!

И тут словно подменили человека. Разговор вдруг утратил прежнюю конкретность и живость.

Позже при встречах с другими городскими, трестовскими и шахтными работниками происходила такая же при мерно картина.

Некоторым даже сама постановка вопроса о духовной культуре, об эстетическом воспитании шахтеров и шахтостроителей казалася неуместной.

— А что такое еще? Радио слушают, газеты читают, лекции мы для них устраиваем, концерты тоже бывают...

— Другие — сознательно или невольно — подменяют понятие:

— Занимаемся, занимаемся этим

БЫТЬ ЛИ ГУКОВУ ПРОВИНЦИЕЙ?

Е. ЛОПАТИНА,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

ГДЕ ВЫХОД!

делом, как же! Вот ночные профилактории на шахтах, посткрывались... Третий, прикрываясь цифрами, как боевым щитом, хвастливо перечисляли:

— У нас, знаете, какие показатели? Подпись на газеты и журналы со статьей подвели в четыре раза. Художественной литературы мы в 1956 году додрали на 340 тысяч, а ныне за четыре месяца — почти на миллион рублей. За один год тысячу телевизоров населению реализовали. Четыре новые библиотеки открыты. Пять вечерних школ у нас, вечерний горностроительный техникум... Так что по сравнению с другими городами ничего себе, прилично выглядываем.

Но большинство собеседников честно признались:

— То, что мы делаем, могло считаться удовлетворительным пять лет назад. А теперь — нет.

Секретарь горкома Леонид Васильевич Яковлев тоже сказал:

— Какая уж тут культура с большой буквы! У нас на весь город два типовых клуба да один Дворец культуры. Есть шахты, где под клубами приспособили случайные помещения.

Да, очагов культуры мало, крайне мало. Попасть хотя бы в кино — проблема. Клубы и Дворец культуры... Что ж, они пытаются что-то делать в меру своих сил. Посмотришь планы работы — тут и университет культуры и университет для родителей, и вчера в вопросах и ответах, и вечера для девушек, и вечера для молодежи. Но поговоришь с людьми о содержании этих вечеров и услышишь:

— Интересные, запоминающиеся редко бывают.

И еще говорят про эти вечера:

— Не для всех они, для «избранных»...

И действительно, кто-то из гуковских культработников придумал, а кто-то из руководителей благословил эту «инициативу», и теперь клубные вечера — не просто вечера, а «мероприятия», и проводятся они по пропагандистским билетам, а билеты рассыпаются по организациям и там раздаются чуть ли не в порядке поощрения за хорошую работу...

Как всякие другие, гуковские клубы Дворец культуры имеют свою самоиздательность. Но, как и во многих других дворцах клубах, самодейственностью тут ведают люди, окончившие семь-восемь, в лучшем случае деятели классов и какими-нибудь краткосрочными курсишками.

И тут следует сказать еще об одной категории «культработников».

Мы сидели в клубе шахты 19/20 и разговаривали с руководителем танцевального кружка Володей Макарычевым.

— Трудно нам, — говорил Володя.

— Все время требуется что-то новое. Мы ведь обслуживаем один и тот же круг зрителей. Значит, нужно дважды раз в месяц менять программу, иначе الناس смотреть не станут.

— Да, зритель теперь балованный пошел, — раздался вдруг надгребущий голос с дивана, где, заложив ногу на ногу, развалился потрепанный мужчина в мягкой зелено-шляпе, надвинутой на глаза. Заметив, что привлек внимание, он с апломбом продолжал:

— Дошли пошел теперь зрителя. Ему какую попала хохому не подашь. Теперь, чтобы убить зрителя, надо хохому во какую!

Как выяснилось, это — «старейший деятель культурного фронта», обоневший чуть ли не все клубы и дворцы культуры Донбасса. В одних местах он задерживался на несколько месяцев, в других успевал соприобрести только одну программу, в третьих, будучи сразу «раскручен» руководителями, все же умудрялся всучить (разумеется, за солидную мзду) свой «товар» — замуленный блокнот с конферансом, который «бьет» на публику.

На шахту 19/20 его, кажется, не взяли и от «товара» его тоже отказались. Но он пойдет дальше по другим городам и везде, вероятно, где-то найдет себе пристанище, потому что, как говорят в народе, свито место пусто не бывает.

А вот на это святое и благородное место наши органы культуры не позабыли.

Хирошима отстроена заново. Лишь однажды полуразрушенное здание оставлено

лишь для приготовления культурные кадры.

А К ЧЕМУ ВСЕ ЭТО ПРИВОДИТ?

Я приехала в Гуково в выходной день.

По улице, обсаженной молодыми тополями и акациями, шли разодетые по-праздничному люди все в одном направлении.

— Народное гулянье, что ли? — спросила я у молодой четы.

— Да, это наше гуковское гулянье, с горечью ответил муж. А жена пояснила:

— На базар идем. Больше-то некуда. А одеться все равно хочется...

На базаре гуковцев не столько делали покупки, сколько разглядывали наряды друг друга, обменивались новостями, шутами, договаривались о встречах вечером. О встречах где? В клубе, в парке, в концерте, на выставке? Нет, дома, С выпивкой, не бось?

Смешной вопрос, какие же бывают без выпивки!

Вечером я пошла в клуб. Маленький зал был свободен от стульев. Под звуки духового оркестра молодежь танцевала. Многие юноши вальсировали в шляпах и кепках. Девушки держали в руках бумажные цветы и куски красного ковыля — это здесь считаются высшим шиком.

Назавтра я ходила по рабочим обще житиям.

Некоторые общежития поразили меня: трудно было поверить, что там живут не студенты, не аспиранты, не люди умственного труда, — так много в них было учебных, научно-технических и художественных литераторов. Были общежития, в которых три четверти проживающих где-нибудь участники в вечерней школе или техникуме, в заочных высших или средних учебных заведениях, на курсах повышения квалификации и курсах подготовки к работе.

Всё это хорошо, все это правильно. И надо думать, прославленные коллективы не обойдут Гуково стороной. И надо ожидать, что будут у нас, наконец, разработаны единые программы по эстетическому воспитанию рабочих и колхозников, будут к ним приложены любовно, красочно, массовым тиражом изданные наглядные пособия...

Ну а сегодня, сейчас?

Видимо, и самим «отцам города» следит больше радости о культуре, занимающейся ею повседневно и по существу, думать не только о цифрах «общего охвата», но и о том, чтобы дойти до каждого человека.

— А силы где? В клубах-то, знаете, сколько штатных единиц? — спрашивали меня.

Правильно, штатных единиц мало, и они не всегда полноценны. Но ведь на «единицах» будут охотиться на людей, далеко не уедешь! А aktiv? А интеллигенция? В Гуково 1 600 инженеров и техников, свыше 400 преподавателей и врачей. Разве мало среди них людей талантливых, способных поднять уровень художественной самодеятельности?

Кому, как не местным партийным, комсомольским и профсоюзовым организациям, расшевелить их, увлечь, зародить в них искру соревнования с другими городами — что больше прославит свою культуру?

Кому, как не артистам, писателям, художникам, певцам, певицам, певицам?

Интересно, что в Гуково есть и талантливые, и способные люди.

В шахте, где зрителям показывают спектакли, а зрителям показывают спектакли, а зрителям показывают спектакли...

Часы были найдены под обломками одного из зданий. Их владелец обнаружил не был. Стекло и металл оказались более жаростойкими, чем человеческое тело. Часы хранятся в музее рядом с экспонатами, на которые человек, имеющий сердце и совесть, может смотреть лишь мгновение. Потом что-то сдавливает его горло и что-то застилает глаза. Он не может не опустить голову, увидев останки одежды, которую опалил атомный взрыв, и мухи обожгли человеческих тел. В этом месте меняется полностью...

Часы были найдены под обломками одного из зданий. Их владелец обнаружил не был. Стекло и металл оказались более жаростойкими, чем человеческое тело. Часы хранятся в музее рядом с экспонатами, на которые человек, имеющий сердце и совесть, может смотреть лишь мгновение. Потом что-то сдавливает его горло и что-то застилает глаза. Он не может не опустить голову, увидев останки одежды, которую опалил атомный взрыв, и мухи обожгли человеческих тел. В этом месте меняется полностью...

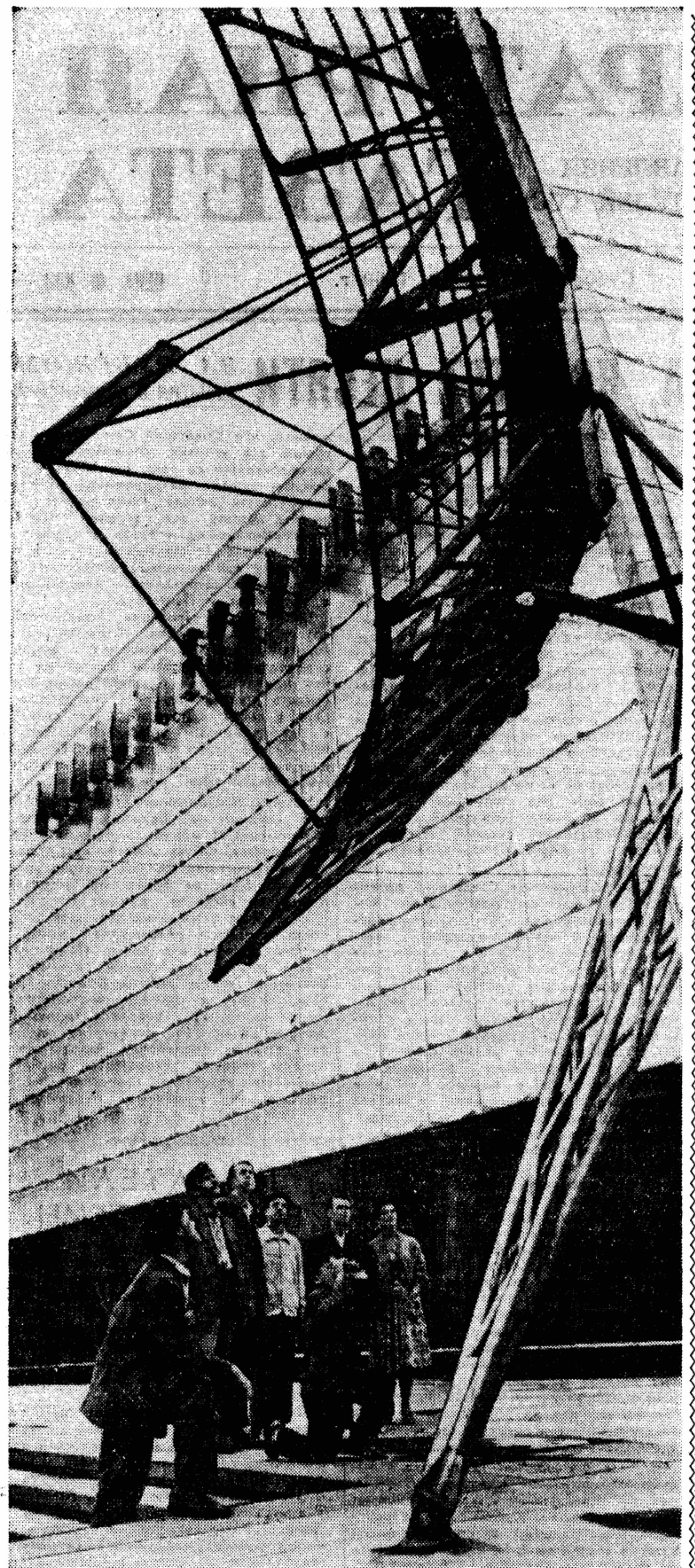
Часы были найдены под обломками одного из зданий. Их владелец обнаружил не был. Стекло и металл оказались более жаростойкими, чем человеческое тело. Часы хранятся в музее рядом с экспонатами, на которые человек, имеющий сердце и совесть, может смотреть лишь мгновение. Потом что-то сдавливает его горло и что-то застилает глаза. Он не может не опустить голову, увидев останки одежды, которую опалил атомный взрыв, и мухи обожгли человеческих тел. В этом месте меняется полностью...

Часы были найдены под обломками одного из зданий. Их владелец обнаружил не был. Стекло и металл оказались более жаростойкими, чем человеческое тело. Часы хранятся в музее рядом с экспонатами, на которые человек, имеющий сердце и совесть, может смотреть лишь мгновение. Потом что-то сдавливает его горло и что-то застилает глаза. Он не может не опустить голову, увидев останки одежды, которую опалил атомный взрыв, и мухи обожгли человеческих тел. В этом месте меняется полностью...

Часы были найдены под обломками одного из зданий. Их владелец обнаружил не был. Стекло и металл оказались более жаростойкими, чем человеческое тело. Часы хранятся в музее рядом с экспонатами, на которые человек, имеющий сердце и совесть, может смотреть лишь мгновение. Потом что-то сдавливает его горло и что-то застилает глаза. Он не может не опустить голову, увидев останки одежды, которую опалил атомный взрыв, и мухи обожгли человеческих тел. В этом месте меняется полностью...

Часы были найдены под обломками одного из зданий. Их владелец обнаружил не был. Стекло и металл оказались более жаростойкими, чем человеческое тело. Часы хранятся в музее рядом с экспонатами, на которые человек, имеющий сердце и совесть, может смотреть лишь мгновение. Потом что-то сдавливает его горло и что-то застилает глаза. Он не может не опустить голову, увидев останки одежды, которую опалил атомный взрыв, и мухи обожгли человеческих тел. В этом месте меняется полностью...

Часы были найдены под обломками одного из зданий. И

НА ВЫСТАВКЕ ДОСТИЖЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА, У павильона «Радиоэлектро-
ника». Фото М. Трахмана

НЕДАВНО я был в Баку. Город меняется с бешено быстрым. Особенность его улиц. До революции на улицах Баку было всего-навсего около ста деревьев. В ближайшем будущем Баку станет одним из самых зеленых городов Советского Союза.

В архитектуре сегодняшней улицы деревья играют большую роль. Я думаю, что в стране, строящей будущее города коммунизма, озеленение улицы связано не только со здоровьем и красотой. Озеленение улицы должно способствовать стиранию границ между городом и природой. Деревья, зеленые насаждения, зелень должны чувствовать себя в городе свободно, должны органически войти в улицы. Я это наблюдал в Баку. Снесены заборы и ограждения вокруг парков и бульваров. Парки и бульвары слились с улицами. Они теперь находятся на самой улице. Это очень оживляет асфальт, бетон и камни улицы. Большинство улиц превращается в аллеи парков и бульваров.

Уничтожение заборов в Баку напомнило мне бесконечное множество подобных заборов в других городах, заборов, построенных без всякой необходимости и, к сожалению, продолжающих строиться по сей день. Если их соединить, они протянутся, наверное, на десятки тысяч километров. Я вспомнил, например, кирпичный забор вокруг парка Дома творчества писателей в Переделкине, под Москвой. Высокий, широкий, фундаментальный, уродливый, нелепый и ненужный. Для чего он? Кому он закрывает вход в парк? Посторонним? Но ведь ворота раскрыты настежь. И не спрашивает никого. Никто не спрашивает пропуск. Может быть, для того, чтобы не проник скот? Но на асфальтированных дорогах вокруг и в окрестностях скота не пасется. Для чего же в таком случае построен этот забор?

Кирпич, средства и труд, которые потратили на его строительство, могли бы пригодиться, по-моему, для постройки хотя бы одного детского сада. А сколько таких ненужных, уродливых заборов тянутся в стране?

Город Баку, разрушающий заборы вокруг парков и бульваров, поставил под деревьями на тротуарах деревянные скамейки. Их чистые краски, ярко-красные, желтые, зеленые, голубые, фиолетовые, радуют глаз.

Рядом со мной была москвичка, приехавшая в Баку впервые. Когда мы вышли из вокзала и увидели эти скамейки на тротуарах, она обрадовалась, как ребенок. «Смотрите», — сказала она, — как хорошо, как умно придумано! Вот в Москве бы поставить такие скамейки. Они и улицы украшают своими яркими красками, и людям по-коему создают. Домохозяйки с полными корзинами, влюбленные, которым не нужно и сиючно сказать друг другу несколько слов, и просто вышедшие подышать свежим воздухом только спасибо скажут».

Пожеланиями москвички Московский Совет, может быть, заинтересуется, а может быть, нет. Но, по-моему, давно пора разнообразить, оживить окраску

скамеек в парках и на бульварах Москвы. Об этом же следует подумать и на вокзалах. Нужно избавить скамейки перед вокзалами и привокзальных садиках от надоевшей тусклой, свинцовой окраски. Давайте попробуем покрасить их яркие, веселые цвета!

Продолжая разговор о скамейках Баку, хочу обратить внимание на одно обстоятельство. То, что они одного размера и одной формы на всех улицах, не сколько снижает элемент радости. Не лучше ли поставить на разных улицах разные по величине скамейки, учитывая особенности данного тротуара, интенсивность движения пешеходов, а также степень озеленения улицы?

В архитектуре улицы современного города немаловажное значение имеют автобусные и троллейбусные остановки, уличные фонари и часы, площадки или будки регулировщика, газетные и книжные лотки, павильоны и автоматы газированной воды. Как прообразили, как украсили улицы Москвы не давно появившиеся разноцветные автомобили, проезжающие папиросы, бутерброды, газированную воду! Но во всем этом особенное внимание должно быть удалено современности этих сооружений. Я еще не встретил в Москве специальных автобусных и троллейбусных остановок, украшающих улицы и вместе с тем укрывающих пассажиров от снега, от ветра, от солнца. Правда, когда на Ленинском проспекте сделана такая попытка. Но эти остановки, по моему, еще не нашли соответствующей формы. В Баку я видел одну действительно красивую остановку — «Интурист». Она не только украсила улицу, пассажирам приятно было там дожидаться транспорта. Может быть, нельзя на каждой остановке устроить места ожидания такой величины, как там, но в каждом городе, на каждой остановке можно поставить скамейки и озеленить хотя бы на полметра площадку вокруг нее.

Поговорим о рабочем месте регулировщика уличного движения. Баку попыталась разрешить эту проблему, учитывая свои природные условия. Там регулировщик стоит под широким зонтом, который защищает его главным образом от солнца. По-моему, форма и окраска зонта пока еще неудачны, но я вспоминаю рабочее место регулировщика в Москве и особенно в Ленинграде и предпочитаю бакинские зонты даже в их сегодняшнем виде. Конечно, в Москве и Ленинграде нельзя решить проблему при помощи зонта. Здесь работа о регулировщике должна вываться в том, чтобы защитить его от холода. Но, право, нет никакого смысла помещать регулировщика в Ленинграде в липкие, металлические с позолотой коробки, а в Москве чуть по-прежнему — в круглые будки, но обоих случаях одинаково уродливые. Эти заборы, кажется, пришли на улицы этих городов из прошлого века спасибо скажут».

Пожеланиями москвички Московский Совет, может быть, заинтересуется, а может быть, нет. Но, по-моему, давно пора разнообразить, оживить окраску

скамеек в парках и на бульварах Москвы. Об этом же следует подумать и на вокзалах. Нужно избавить скамейки перед вокзалами и привокзальных садиках от надоевшей тусклой, свинцовой окраски. Давайте попробуем покрасить их яркие, веселые цвета!

Хочу поговорить и об уличных ча- сах. Баку уже стал спускать часы с высо- кими железными столбами до уровня человеческих глаз. Там они стоят на стеклянных столбах на уровне средней

Пусть в каждую школу войдет Макаренко!

ЗАКОН «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» получил всеобщее, всенародное одобрение.

Прошло немного времени со дня принятия этого закона. Но какие радостные перемены переживает школа! Могучим потоком врывается жизнь в ее стены, классы, лаборатории, мастерские. Но реструктура школы — дело сложное. Ведь школа эпохи коммунизма, которую мы сейчас строим, никогда не имела себе подобной в истории человечества. Естественно поэтому, что порою практикам народного образования придется идти неизведанными тропами искать, творить, изобретать! Но так же естественно, что помочь им найти наиболее верные пути призваны педагогические науки. И здесь в своих коллегиативных поисках и раздумьях советские учителя вновь и вновь будут обращаться к и драгоценному наследию выдающегося педагога-марксиста А. С. Макаренко, к его опыту, к замечательному примеру его яркой творческой жизни гражданина, педагога. Система коммунистического воспитания А. С. Макаренко, сформулированная им в его многочисленных блестящих работах, возникла на основе учения Маркса и Ленина, педагогические идеи Макаренко обогатили творчеством замечательного педагога-марксиста Н. Крупской, всем опытом Советского государства, опытом воспитания свободного, красного человека. Именно в этом секрет чудесных, для многих завораживающих наблюдателей необычайных успехов воспитания в макаренковских коммунах имени Горького и имени Дзержинского.

В истории советской педагогики остается дата — 29 декабря 1932 года, когда коммуна имени Дзержинского торжественно праздновала свое пятилетие. К этому времени в коммуне был достигнут такой высокий уровень человеческих отношений, что он и сейчас может и должен служить идеалом, к которому надо стремиться школьным коллективам. А. М. Горький, назвавший коммуну окном в коммунизм, сказал о ней главное.

Весь голос говорит величественная эпоха социализма в ярких художественных произведениях, проникновенных и страстных педагогических работах А. С. Макаренко об уважении и любви к человеку, его духовной красоте, мудрости и гражданственности, о прекрасной советской действительности, воспитывающей и передающей людей.

В трудах А. С. Макаренко на основе марксистско-ленинской философии раскрыта научная система методики и педагогической техники воспитания нового человека, к которой он пришел в результате многолетней педагогической деятельности.

Как же нуждается наша школа именно сегодня в глубоком изучении опыта Макаренко, его ценнейших теоретических выводов, его научных указаний и рекомендаций!

Мы обращаемся к Всероссийскому съезду учителей с тем, чтобы съезд сказал свое авторитетное слово о необходимости

В АКАДЕМИИ НАУК СССР

Вчера в Академии наук СССР проходило общее собрание, на котором были утверждены новые члены-корреспонденты. По отделению литературы и языка Академии наук СССР избраны: в области языкоизложения — доктор исторических наук Д. А. ОЛЬДЕРГОРФ, в области литературы — доктор филологических наук И. И. АНИСИМОВ, доктор филологических наук А. С. ВУШМИН, доктор филологических наук П. Н. БЕРКОВ.

На выставке достижения народного хозяйства. В павильоне «Градостроительство».

Открытое письмо предстоящему учительскому съезду

мости широкого изучения творчества выдающегося советского педагога, о смелом новаторском претворении в жизнь его принципов; о том, чтобы инициативнее брать на вооружение его драгоценный опыт.

Очень важно, на наш взгляд, чтобы будущие учителя еще на студенческой скамье глубоко изучили педагогические труды А. С. Макаренко. Поэтому нам представляется своеобразной организацией в педагогических институтах специальных курсов и семинаров, посвященных творчеству Макаренко.

Вместе с тем, как нам думается, Академия педагогических наук РСФСР совместно с отделами народного образования и институтами усовершенствования учителей должна организовать широкое изучение учителями и родителями творческого наследства Макаренко и, главное, претворение в жизнь школок Макаренковской системы коммунистического воспитания.

Мы предлагаем:

1. Установить праздник — День советского учителя. Днем праздника выбрать

24 декабря — день принятия закона о педагогической школе.

2. Ежегодно проводить педагогические чтения, посвященные научной разработке и практическому применению наследия А. С. Макаренко.

3. Уредить медаль А. С. Макаренко за выдающиеся достижения в области воспитательной работы.

4. Уредить в Москве квартире, где жил Макаренко, мемориальный музей и восстановить в Академии педагогических наук лабораторию по изучению творчества Макаренко и обобщению его практического опыта.

Писатели: Н. ТИХОНОВ, К. ЧУКОВСКИЙ, С. МАРШАК, В. ЕРМИЛОВ, Н. АТАРОВ, А. ШАРОВ, В. ФИНК, Е. БАЛАБАНОВИЧ; педагоги: Г. МАКАРЕНКО, В. КУМАРИН, Р. ГУСЕВА, Э. КОСТЬЯШКИН, Ю. ШАРОВ; Н. ПЕТРОВ, народный артист РСФСР; А. СОЛОВЬЕВ, воспитанник колонии имени Горького, работавший в А. С. Макаренковской системе коммунистического воспитания.

Писатели: Н. ТИХОНОВ, К. ЧУКОВСКИЙ, С. МАРШАК, В. ЕРМИЛОВ, Н. АТАРОВ, А. ШАРОВ, В. ФИНК, Е. БАЛАБАНОВИЧ; педагоги: Г. МАКАРЕНКО, В. КУМАРИН, Р. ГУСЕВА, Э. КОСТЬЯШКИН, Ю. ШАРОВ; Н. ПЕТРОВ, народный артист РСФСР; А. СОЛОВЬЕВ, воспитанник колонии имени Горького, работавший в А. С. Макаренковской системе коммунистического воспитания.

Писатели: Н. ТИХОНОВ, К. ЧУКОВСКИЙ, С. МАРШАК, В. ЕРМИЛОВ, Н. АТАРОВ, А. ШАРОВ, В. ФИНК, Е. БАЛАБАНОВИЧ; педагоги: Г. МАКАРЕНКО, В. КУМАРИН, Р. ГУСЕВА, Э. КОСТЬЯШКИН, Ю. ШАРОВ; Н. ПЕТРОВ, народный артист РСФСР; А. СОЛОВЬЕВ, воспитанник колонии имени Горького, работавший в А. С. Макаренковской системе коммунистического воспитания.

Писатели: Н. ТИХОНОВ, К. ЧУКОВСКИЙ, С. МАРШАК, В. ЕРМИЛОВ, Н. АТАРОВ, А. ШАРОВ, В. ФИНК, Е. БАЛАБАНОВИЧ; педагоги: Г. МАКАРЕНКО, В. КУМАРИН, Р. ГУСЕВА, Э. КОСТЬЯШКИН, Ю. ШАРОВ; Н. ПЕТРОВ, народный артист РСФСР; А. СОЛОВЬЕВ, воспитанник колонии имени Горького, работавший в А. С. Макаренковской системе коммунистического воспитания.

Писатели: Н. ТИХОНОВ, К. ЧУКОВСКИЙ, С. МАРШАК, В. ЕРМИЛОВ, Н. АТАРОВ, А. ШАРОВ, В. ФИНК, Е. БАЛАБАНОВИЧ; педагоги: Г. МАКАРЕНКО, В. КУМАРИН, Р. ГУСЕВА, Э. КОСТЬЯШКИН, Ю. ШАРОВ; Н. ПЕТРОВ, народный артист РСФСР; А. СОЛОВЬЕВ, воспитанник колонии имени Горького, работавший в А. С. Макаренковской системе коммунистического воспитания.

Писатели: Н. ТИХОНОВ, К. ЧУКОВСКИЙ, С. МАРШАК, В. ЕРМИЛОВ, Н. АТАРОВ, А. ШАРОВ, В. ФИНК, Е. БАЛАБАНОВИЧ; педагоги: Г. МАКАРЕНКО, В. КУМАРИН, Р. ГУСЕВА, Э. КОСТЬЯШКИН, Ю. ШАРОВ; Н. ПЕТРОВ, народный артист РСФСР; А. СОЛОВЬЕВ, воспитанник колонии имени Горького, работавший в А. С. Макаренковской системе коммунистического воспитания.

Писатели: Н. ТИХОНОВ, К. ЧУКОВСКИЙ, С. МАРШАК, В. ЕРМИЛОВ, Н. АТАРОВ, А. ШАРОВ, В. ФИНК, Е. БАЛАБАНОВИЧ; педагоги: Г. МАКАРЕНКО, В. КУМАРИН, Р. ГУСЕВА, Э. КОСТЬЯШКИН, Ю. ШАРОВ; Н. ПЕТРОВ, народный артист РСФСР; А. СОЛОВЬЕВ, воспитанник колонии имени Горького, работавший в А. С. Макаренковской системе коммунистического воспитания.

Писатели: Н. ТИХОНОВ, К. ЧУКОВСКИЙ, С. МАРШАК, В. ЕРМИЛОВ, Н. АТАРОВ, А. ШАРОВ, В. ФИНК, Е. БАЛАБАНОВИЧ; педагоги: Г. МАКАРЕНКО, В. КУМАРИН, Р. ГУСЕВА, Э. КОСТЬЯШКИН, Ю. ШАРОВ; Н. ПЕТРОВ, народный артист РСФСР; А. СОЛОВЬЕВ, воспитанник колонии имени Горького, работавший в А. С. Макаренковской системе коммунистического воспитания.

Писатели: Н. ТИХОНОВ, К. ЧУКОВСКИЙ, С. МАРШАК, В. ЕРМИЛОВ, Н. АТАРОВ, А. ШАРОВ, В. ФИНК, Е. БАЛАБАНОВИЧ; педагоги: Г. МАКАРЕНКО, В. КУМАРИН, Р. ГУСЕВА, Э. КОСТЬЯШКИН, Ю. ШАРОВ; Н. ПЕТРОВ, народный артист РСФСР; А. СОЛОВЬЕВ, воспитанник колонии имени Горького, работавший в А. С. Макаренковской системе коммунистического воспитания.

Писатели: Н. ТИХОНОВ, К. ЧУКОВСКИЙ, С. МАРШАК, В. ЕРМИЛОВ, Н. АТАРОВ, А. ШАРОВ, В. ФИНК, Е. БАЛАБАНОВИЧ; педагоги: Г. МАКАРЕНКО, В. КУМАРИН, Р. ГУСЕВА, Э. КОСТЬЯШКИН, Ю. ШАРОВ; Н. ПЕТРОВ, народный артист РСФСР; А. СОЛОВЬЕВ, воспитанник колонии имени Горького, работавший в А. С. Макаренковской системе коммунистического воспитания.

Писатели: Н. ТИХОНОВ, К. ЧУКОВСКИЙ, С. МАРШАК, В. ЕРМИЛОВ, Н. АТАРОВ, А. ШАРОВ, В. ФИНК, Е. БАЛАБАНОВИЧ; педагоги: Г. МАКАРЕНКО, В. КУМАРИН, Р. ГУСЕВА, Э. КОСТЬЯШКИН, Ю. ШАРОВ; Н. ПЕТРОВ, народный артист РСФСР; А. СОЛОВЬЕВ, воспитанник колонии имени Горького, работавший в А. С. Макаренковской системе коммунистического воспитания.

Писатели: Н. ТИХОНОВ, К. ЧУКОВСКИЙ, С. МАРШАК, В. ЕРМИЛОВ, Н. АТАРОВ, А. ШАРОВ, В. ФИНК, Е. БАЛАБАНОВИЧ; педагоги: Г. МАКАРЕНКО, В. КУМАРИН, Р. ГУСЕВА, Э. КОСТЬЯШКИН, Ю. ШАРОВ; Н. ПЕТРОВ, народный артист РСФСР; А. СОЛОВЬЕВ, воспитанник колонии имени Горького, работавший в А. С. Макаренковской системе коммунистического воспитания.

Писатели: Н. ТИХОНОВ, К. ЧУКОВСКИЙ, С. МАРШАК, В. ЕРМИЛОВ, Н. АТАРОВ, А. ШАРОВ, В. ФИНК, Е. БАЛАБАНОВИЧ; педагоги: Г. МАКАРЕНКО, В. КУМАРИН, Р. ГУСЕВА, Э. КОСТЬЯШКИН, Ю. ШАРОВ; Н. ПЕТРОВ, народный артист РСФСР; А. СОЛОВЬЕВ, воспитанник колонии имени Горького, работавший в А. С. Макаренковской системе коммунистического воспитания.

Писатели: Н. ТИХОНОВ, К. ЧУКОВСКИЙ, С. МАРШАК, В. ЕРМИЛОВ, Н. АТАРОВ, А. ШАРОВ, В. ФИНК, Е. БАЛАБАНОВИЧ; педагоги: Г. МАКАРЕНКО, В. КУМАРИН, Р. ГУСЕВА, Э

СВЕРСТИКИ

ЖУРНАЛЬНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

мове, об «одеситах» Владиславе Карпове, о чудаковатом, вежливом Саше Зеленине.

Можно припомнить подобные «кампании» и в других поэмах, но В. Аксенов никого не повторяет. Его ребята своеобразны не только как художественно индивидуальные характеры, но и как новые ребята, «квадратники». Сказать, что они принципиальны, беспокойны, муктешевы, еще ничего о них не сказать. И неворожденным взглядом видно, что герен Аксенова как-то по-новому принципиальны, по-новому неуспокоены. Это один из вторых половины пятидесятых годов — после пятидесяти шестого. Здесь есть над чем подумать критикам...

Разобрать повесть, хотя бы пытаться ставить точки над i пока не стоит. И не только потому, что кончина следует в 7-м номере «Юности». Не

только потому, что повесть за-

служивает большего, чем пе-

рескак, — заслуживает разго-

вора по серьезному счету.

Главное в том, что наш разго-

вор — не о каком-либо от-

дельном произведении, а о все-

йской шестой книжке «Юности».

Этот номер необычен. Он

заключен в виде биографи-

ческих справок, вроде эс-

сея, что предполагает оче-

ркование: «кто мы такие?»

И молодой врач, молодой

прозаик Василий Аксенов ста-

ется ответить на этот вопрос

всей своей повестью «Болгелия».

Он сам — коллега и сверстник

своих герояев, и может быть,

поэтому имеет особое право

на читательское доверие к его

рассказу о трех друзьях —

бывших студентах — медиках

о мрачноватом Лешке Макси-

мовиче...

очерк Л. Борщевского, рассказывающий о перестройке школы...

Важно отметить, что все это произведения на ту самую «главную» тему, на тему наших сверстников. Эти очерки, заметки и рецензии затрагивают самые серьезные вопросы воспитания характера.

В журнале есть и лирические рассказы Э. Шухмина и С. Курьлевой (мы сегодня перепечатываем их в газете), и рассказы молодых спортсменов, и репродукции с картин художников-студентов.

И, наконец, поэзия... В номере выступают одиннадцать молодых поэтов, еще не известных или почти не известных читателям. Не все их стихи отличаются клишированным, вычуренным языком, может быть, и лирическим (хотя, конечно, как пропустят своеобразное поэтическое лицо автора сквозь неизбывательную манеру, оформляя стихи в яблочко).

Скажем, в «Стихах о яблоках» С. Куняева слишком многое отдано самоцельной, хотя и затейливой, игре словом, но зато в стихотворении «Доски почета» им найден верный поэтический «курсар», в котором значительными и обаятельными выглядят «плотники, дяди-ки, слесари», чьи фотографии выставлены на районной Доске почета:

— об отчаянном юном влюбленном, во всю мочь, во всю плотку, на всю улицу оповещающем о своей неслыханной любви;

Окно предусмотрительно закрывается матом. Ах, что они, родители, могут понимать? А внизу взывающее слышно на улице: — Галия Огарышева, Я тебя люблю!..

«Номер молодых» выпущен редакцией «Юности» уже впервые. Но и в «обычных» номерах мы не раз встречались с дебютантами, которым «Юность» пожалела доброго пути и которых ныне успешно работают в литературе. Так путь «добрый» — но нелегким и неторопливым — будет путь тех молодых авторов, о которых мы сказали сегодня несколько слов.

Станислав БОРИСОВ

КТО ОНИ ТАКИЕ? — называется первая главка повести. Содержание этой главки вроде бы достаточно полно отвечает на вопрос —ней самой своеобразной «книжеты», из которой мы узнаем и о возрасте, и о склонностях, и — немножко — о характерах трех герояев.

Как будто вопрос исчерпан. Оказывается, исходных данных мало для того, чтобы понять, кто они такие — эти ребята, кому в пятьдесят шестом ступнуло двадцать четырех — и чья автобиография умещается на половине страницы. Оказывается, целая повесть нужна для того, чтобы ответить на этот вопрос. А, может быть, и повести мало...

Так кто же они такие? Не только нас волнует этот вопрос. В несколько витиеватой форме, прызывающей искреннюю забавленность и даже взволнованность, его задает фронтон Егоров: «Чем вы живите? Вот вы, молодежь! Куда клонится индекс, точнее, индифферент ваших посыпалствий?»

И молодой врач, молодой прозаик Василий Аксенов старается ответить на этот вопрос всей своей повестью «Болгелия». Он сам — коллега и сверстник своих герояев, и может быть, поэтому имеет особое право на читательское доверие к его рассказу о трех друзьях — бывших студентах — медиках о мрачноватом Лешке Максимовиче...

Эдуард ШУХМИН

ЧЕЛОВЕКУ было восемь лет. Человек собирали копейки, да, обыкновенные мелочи достоинством в копейку. Не удивляйтесь: у копеек тоже есть достоинство.

Он и сам не знал, зачем это ему — копейки. Просто он видел: один гоняется за старыми марками, другому необходимы новые первы, и совсем тут не в том дело, что собирать, новые первы или старые марки, важно само слово « коллекционер », длинное, звучное иностранное слово.

Человек, которому было восемь лет, очень любил свои медальчики.

Они хранились в старой жестяной коробке, и он не променял бы их ни на что: ни на старые марки, ни на новые первы.

И, приди из школы домой, человек два часа просиживал над своими сокровищами.

У него было много сокровищ — все копейки. Он раскладывал их по годам и смотрел, какая стопка будет выше. И всегда самой высокой оказывалась стопка сорок шестого года. Человек недумал: почему это?

Но в глубине души он верил, что сорок шестого год был самым счастливым: тогда, наверное, в усах было много копеек. Он высказал свое предположение вслух, но отец ничего не ответил.

Отец считал: человек, которому восемь лет, не должен знать, что в сорок шестом был неурожай и за буханку черного выкладывали сотню.

Человек разыскивал монеты повсюду. Он не был привередлив: для него годились и новые копейки, и старые.

Откровенно говоря, затертые, облезлые монеты нравились ему больше новеньких. Что в них, в новеньких-то? Один блеск, как пуговицы.

Зато старые он мог перебирать часами.

Он с удивлением смотрел на копейку, которую отчеканили задолго до его рождения. Он оторвался от драгоценной, и, может быть, эту копейку держал в руках капитан дальнего плавания. Конечно, капитаны решительно купили папирис. Он купил «Беломор» (единственный приличный сорт), — говорил папа, когда — давно — отводил детей в детсад. «Беломор» стоил 2 рубли 56 копеек. Капитан достал два рубля, потом двадцать копеек, потом еще двадцать, потом двадцать, потом пять и вот эту самую копейку, что принадлежала теперь ему, человеку, которому восемь лет.

И так за каждой медяшкой стояла какая-нибудь история.

Человек очень любил придумывать истории, но с новыми копейками истории не придумывались: новенькие копейки были слишком опрятными, слишком правильные, ровные — истории не за что были цепляться.

Такие копейки оставляли его равнодушным.

Еще он был равнодушен к пению. Ему было скучно на пение.

Он пускал бумаги голуби или громче всех пел: «В лесу завала елочка!»

Однажды, когда ему стало невыносимо мурлыко, он подделал и то, и другое одновременно. Учительница пения поставила ему сразу две двойки, длинно писала что-то в дневнике, а под конец скомандовала:

— Покажешь отцу?

И отец увидел двойки.

Мало того, он узнал, что его сын, человек, которому восемь лет, упорно не желает повышать свой культурный уровень и расширять

кругозор — ведь в на-
ши дни трудно представить образованного че-
ловека, который хотя бы в общих чертах не был знаком с вокаль-
ным искусством.

Отец постоянно помнил, что у него есть сыны, и при разговорах о детях в его памяти постоянно всплывала одна фраза: «Детей нужно воспитывать».

Когда возраст сына изменился пятью годами, отец изредка про-
вожал его в детский сад.

Больше он его не воспитывал.

Отец был человек

реалистичный и само-
критичный: «Не воспи-
тывай! Ладно, сегодня

я воспитываю».

Первым долгом он изучил дневник сына.

Там он увидел трупик по арифметике, одну

четверку по физкультуре, другую — по пись-
му и эти две дроби по пению. И отец рас-
сердился: «Все ясно, как дважды два! Маль-
чишка лентяй! Он бездельничает, не учит уро-
ков!.. А когда ему учить, если он является из

школь и моментально вытаскивает свою го-
рошку? Разглядывает, шепчет... Типичный ску-
лой рыцарь... А уроки ждут! И вот результаты:

ни одной пятерки, даже по физкультуре четы-
ре. И дальше: сегодня он прятает копейки, завтра потянут руки — кончиками пальцев!

А как же! Так оно и бывает — со

старшими, и моментально делают

из копеек медальчики.

Старая жестяная коробка была пуста. Он

закрыл ее и потянул в воздух: не звяжут ли?

Но без мене коробка была легкой и мол-
чаливой. Он положил ее и заплакал.

Отец подошел к нему и принялся говорить,

что он уже взрослый, что он должен серьез-
но учиться, стать образованным. И взрослый

человек, которого было восемь лет, соглашал-
ся с отцом, утвердительно опуская голову: да

он взрослый, да, он должен учиться, быть об-
разованным...

Только куда девались копейки?

— Ты, я вижу, ничего не понял!.. Ну скажи, к чему тебе эти медальчики?

— Они из бронзы.

— Из бронзы? — переспросил отец.

За свою жизнь он уже ссыпал с тем, что ме-
лочью — это из меди. А теперь вот говорит,

что из бронзы.

И он смущался, и он забыл все слова, ко-
торые намеревался сказать сыну. А сыны были

рядом.

Он прожил восемь лет и успел выра-
стить: копейки делаются из бронзы.

И отец вынул из кармана шуршащий, не-
гнувшийся рубль.

Он прогнал его сыну: на, иди еще мороженое, наслаждайся жизнью! Но человек, ко-
торому было восемь лет, не взял рубля. Если он не жаловал новенькие копейки, зачем ему новенький рубль?.. И он вышел на улицу.

И отец не задержал его.

На улице была осень, начало октября.

И раз была осень, то были на бульварах

желтые листья, такие желтые, как монетки

в копейке.

Всё было мурлыко.

Зина семенила рядом и все заглядывала ему

в лицо смеющимися глазами. Но как он ни на-
прягался, стихи у него что-то не шли. Было не-
удобно перед девочкой за свое хвастование.

И так за каждой медяшкой стояла какая-
нибудь история.

Человек очень любил придумывать истории,

но с новыми копейками истории не придумывались: новенькие копейки были слишком

опрятными, слишком правильные, ровные —

истории не за что были цепляться.

Такие копейки оставляли его равнодушным.

Еще он был равнодушен к пению. Ему было скучно на пение.

Он пускал бумаги голуби или громче

всех пел: «В лесу завала елочка!»

Однажды, когда ему стало невыносимо мурлыко, он подделал и то, и другое одновременно.

Учительница пения поставила ему сразу

две двойки, длинно писала что-то в дневнике,

а под конец ском

ИЗ МАСТЕРСКОЙ ПОЭТА

В ПРОСТОРОМ кабинете, где все сохранилось в таком виде, как будто Луговской вышел только на минуту в соседнюю комнату, на письменном столе среди вещей, знакомых мне еще с литеинститутской юности, лежат записные книжки поэта. Они вились в среднеазиатских республиках и на дальних границах, в гостищах европейских столиц и где-нибудь у костра, под звездами, среди уснувшей пустыни. Переистынившие страницы этих многочисленных записок, и тебе приоткрывается доступ в мастерскую поэта, где велась неземная и кропотливая работа, где накапливались детали за деталью, где сохранялись все замыслы и подступы к теме, куда заносились строки, которые позднее встретятся нам в стихах и поэмах Владимира Луговского. Это был огромный, требующий терпения и настойчивости, я бы сказал, — пчелиный труд.

Записные книжки Луговского ждут еще своего внимательного исследователя, который сможет найти здесь немало интересных черт, расширяющих наше представление о выдающемся советском поэте. Нас, например, поражает многообразие сведений и фактов, жизненных, впечатлений и наблюдений, лежащих в основе книги поэзии «Сердце века». Заслужите в записных книжках, и вы увидите, сколько было потрачено сил на создание этого материала.

Сегодня мы хотим познакомить читателя только с несколькими страницами из рабочих блокнотов Луговского. Здесь его интересные высказывания о поэзии и роли поэта, здесь взволнованные слова требовательного художника, чувствующего себя в долгу перед неисчерпаемым богатством и красотой жизни. Вероятно, эти записи были сделаны накануне очередной беседы Луговского с молодыми поэтами, воспитанием которых он занимался всю свою жизнь. Я хорошо помню эти увлекательные встречи в комнатах на Тверском бульваре, где на стенах теснились открытые стекла и туска поблескивала старинное оружие. Как зумел Луговской подойти к книжной полке, достать оттуда какой-то томик и прочесть своим рокочущим голосом стихи, которые ты слышал впервые и с кото-

рами уже никогда не расставался. Короткие записи этих бесед мастера с подмастерьями и сохранились в записных книжках. А дальше идут наброски, эскизы, этюды, все то, что обычно делает живописец на клочке бумаги или на обрывке холста.

Но разве не современно звучат эти строки, как будто написаны совсем недавно, после взлета нашего космического корабля в межзвездные просторы?

Такая ночь, что руки протянут
Ко всей вселенной,
всем созвездьям рядом
И полететь, пронзая Млечный путь,
Ракетой межпланетного снаряда.
Видны деревьев строгие черты,
Отвесного хребта седые гребни,
И в этом мире кажешься мне ты
Как листья юной, как деревья древней.

1957 г.

И разве не волнует нас то, с какой любовью и уважением говорит поэт о трудовых людях Франции, о несправедливом весельчаке и оптимисте Коле Брюньоне в стихотворении «Сердце Франции».

Вот почему мы решили предложить вниманию читателей, любящих поэзию, эти отрывки из записных книжек. Как по отдельным образцам, хранящимся в рюкзаке геолога, можно судить о богатстве залеганий руд или алмазов, так и в этих незавершенных строках мы узнаем того Владимира Луговского, какого мы любим и помним, автора «Песни о ветре» и «Кургантской венгерки», «Синей весны» и «Сердца века».

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Когда художник, вышедший сам из народной среды — певец, складчик, скантер, творил свое произведение, он знал все о своем народе, он был таким же рабаком, таким же звероловом, таким же скотоводом. Он знал, как делают свадьбы, как режут оленей, как убивают, как родят, — он знал все.

И вот в этой приближенности великой силы художника. Он знал все многообразие действительности, которую он видел вокруг.

Я вижу гигантское движение жизни в ее схватке с пустынями, с безлесьем, с безлюдьем. И когда на собственных глазах видишь все это — от мельчайших ростков до огромного цветения, это является огромным стимулом для творчества.

Я только жалею о том, что слишком мало писал об этом.

И еще слишком мало видел, хотя действительно прошел всю Европу в свою страну от Каспийского моря до китайской границы, все города Таджикистана и Туркмении. И мало! Хотя знаю, что жить мало остается, и знаю, что писал не так, как хочется, и вижу все, в каждой строке вижу недостатки. Иногда только высыпывает что-то ночью...

По южному берегу ночь идет, Бьет двенадцатый час, Сиреневый кружится небосвод И это в последний раз.

1957

В последний раз,
смерть затая,
Уносятся горы черты —
Седая искра бытия
В глубинах пустоты.

Неужто можно полюбить
так горестно
и нежно.
Вдруг в сумерках
январской
кровью крашеной зари
Когда трещит мороз,
как на костре
валенки,
Когда все ветки
в огоньках —
слетелись снеги.

1957

Тебя давно уж нет на свете,
но я беседую с тобой,
я вспомнил бухту, южный ветер,
зеленопламенный прибой.
Антары. Ночь. Тень гирлянда —
огромное лицо луны,
тревожный холодок дурмана
от губ твоих, от кружин.
Холдиневые одежды лета,
над штабом красная звезда.
Вплоть до зари, вплоть до рассвета
не рассставались мы тогда.
Не рассставались, целовались.
Сверчки гремели, а кругом
шла исподволь событий звязь,
над нами пыль железного грома.
Что понимали мы в стольетье —
две тени слитых в серебре?

1957

Сердце Франции
Смутные холмы Бургундия легли
Под февральским бледно-синим
небом,

Мощные текут пласти земли —
Вечные творцы вина и хлеба.
И на той земле проходит он:
Весельчак, гуляка, мудрый мастер.

Старый друг людей —
Коля Брюньон, Сердце Франции и образ счастья.
Богатырь Бургундия могуч,
Крепкорукий жилистый француз, —
Над твоей землей проходят тучи,
Только ты, как встарь, не дуешь

в ус.
Видел я тебя в широкой блузке,
В кованых жеозелем башмаках,
Древний облик верного француза,
Для которого неведом страх.
Ты живи, ты пей вино, твори,
Раздвигай плечом крутые туши,
Мирный день ульбкой озари —
Богатырь Бургундия могуч!

1957

Сердце Франции
Смутные холмы Бургундия легли
Под февральским бледно-синим
небом,

Мощные текут пласти земли —
Вечные творцы вина и хлеба.
И на той земле проходит он:
Весельчак, гуляка, мудрый мастер.

Старый друг людей —
Коля Брюньон, Сердце Франции и образ счастья.

Богатырь Бургундия могуч,

Крепкорукий жилистый француз, —
Над твой землей проходят тучи,
Только ты, как встарь, не дуешь

в ус.

Видел я тебя в широкой блузке,
В кованых жеозелем башмаках,
Древний облик верного француза,
Для которого неведом страх.

Ты живи, ты пей вино, твори,
Раздвигай плечом крутые туши,
Мирный день ульбкой озари —
Богатырь Бургундия могуч!

1957

Сердце Франции
Смутные холмы Бургундия легли
Под февральским бледно-синим
небом,

Мощные текут пласти земли —
Вечные творцы вина и хлеба.
И на той земле проходит он:
Весельчак, гуляка, мудрый мастер.

Старый друг людей —
Коля Брюньон, Сердце Франции и образ счастья.

Богатырь Бургундия могуч,

Крепкорукий жилистый француз, —
Над твой землей проходят тучи,
Только ты, как встарь, не дуешь

в ус.

Видел я тебя в широкой блузке,
В кованых жеозелем башмаках,
Древний облик верного француза,
Для которого неведом страх.

Ты живи, ты пей вино, твори,
Раздвигай плечом крутые туши,
Мирный день ульбкой озари —
Богатырь Бургундия могуч!

1957

Сердце Франции
Смутные холмы Бургундия легли
Под февральским бледно-синим
небом,

Мощные текут пласти земли —
Вечные творцы вина и хлеба.
И на той земле проходит он:
Весельчак, гуляка, мудрый мастер.

Старый друг людей —
Коля Брюньон, Сердце Франции и образ счастья.

Богатырь Бургундия могуч,

Крепкорукий жилистый француз, —
Над твой землей проходят тучи,
Только ты, как встарь, не дуешь

в ус.

Видел я тебя в широкой блузке,
В кованых жеозелем башмаках,
Древний облик верного француза,
Для которого неведом страх.

Ты живи, ты пей вино, твори,
Раздвигай плечом крутые туши,
Мирный день ульбкой озари —
Богатырь Бургундия могуч!

1957

Сердце Франции
Смутные холмы Бургундия легли
Под февральским бледно-синим
небом,

Мощные текут пласти земли —
Вечные творцы вина и хлеба.
И на той земле проходит он:
Весельчак, гуляка, мудрый мастер.

Старый друг людей —
Коля Брюньон, Сердце Франции и образ счастья.

Богатырь Бургундия могуч,

Крепкорукий жилистый француз, —
Над твой землей проходят тучи,
Только ты, как встарь, не дуешь

в ус.

Видел я тебя в широкой блузке,
В кованых жеозелем башмаках,
Древний облик верного француза,
Для которого неведом страх.

Ты живи, ты пей вино, твори,
Раздвигай плечом крутые туши,
Мирный день ульбкой озари —
Богатырь Бургундия могуч!

1957

Сердце Франции
Смутные холмы Бургундия легли
Под февральским бледно-синим
небом,

Мощные текут пласти земли —
Вечные творцы вина и хлеба.
И на той земле проходит он:
Весельчак, гуляка, мудрый мастер.

Старый друг людей —
Коля Брюньон, Сердце Франции и образ счастья.

Богатырь Бургундия могуч,

Крепкорукий жилистый француз, —
Над твой землей проходят тучи,
Только ты, как встарь, не дуешь

в ус.

Видел я тебя в широкой блузке,
В кованых жеозелем башмаках,
Древний облик верного француза,
Для которого неведом страх.

Ты живи, ты пей вино, твори,
Раздвигай плечом крутые туши,
Мирный день ульбкой озари —
Богатырь Бургундия могуч!

1957

Сердце Франции
Смутные холмы Бургундия легли
Под февральским бледно-синим
небом,

Мощные текут пласти земли —
Вечные творцы вина и хлеба.
И на той земле проходит он:
Весельчак, гуляка, мудрый мастер.

Старый друг людей —
Коля Брюньон, Сердце Франции и образ счастья.

Богатырь Бургундия могуч,

Крепкорукий жилистый француз, —
Над твой землей проходят тучи,
Только ты, как встарь, не дуешь

в ус.

Видел я тебя в широкой блузке,
В кованых жеозелем башмаках,
Древний облик верного француза,
Для которого неведом страх.

Ты живи, ты пей вино, твори,
Раздвигай плечом крутые туши,
Мирный день ульбкой озари —
Богатырь Бургундия могуч!

1957

Сердце Франции
Смутные холмы Бургундия легли
Под февральским бледно-синим
небом,

Мощные текут пласти земли —
Вечные творцы вина и хлеба.
И на той земле проходит он:
Весельчак, гуляка, мудрый мастер.

Старый друг людей —
Коля Брюньон, Сердце Франции и образ счастья.

Богатырь Бургундия могуч,

Крепкорукий жилистый француз, —
Над твой землей проходят тучи,
Только ты, как встарь, не дуешь

в ус.

Видел я тебя в широкой блузке,
В кованых жеозелем башмаках,
Древний облик верного француза,
Для которого неведом страх.

Ты живи, ты пей вино, твори,
Раздвигай плечом крутые туши,
Мирный день ульбкой озари —
Богатырь Бургундия могуч!

1957

Сердце Франции
Смутные холмы Бургундия легли
Под февральским бледно-синим
небом,

Мощные текут пласти земли —
Вечные творцы вина и хлеба.
И на той земле проходит он:
Весельчак, гуляка, мудрый мастер.

Старый друг людей —
Коля Брюньон, Сердце Франции и образ счастья.

ВЫ НЕ ПРАВЫ, ТОВАРИЩ МИНИСТР!

По поводу «Ответа читателям»

ВСПОМНИМ, о чем шла речь. За минувший год на страницах «Литературной газеты» было помещено свыше десяти статей и заметок на медицинские темы. Авторы их — врачи, писатели, журналисты, общественные деятели — говорили как будто о различных вещах: в одном случае — о лечении старости, в другом — о ценном препарате, не убивающем свет, в третьем — о новом методе лечения и т. д. Может быть, некоторые из этих предложений были спорны, требовали тщательной проверки, но все они преследовали одну цель: вскрывая те или иные недостатки, принести посильную помощь органам здравоохранения в их благородном труде. Только так и можно было отнести к этим сигналам, направленным против волокон, против малайшего проникновения язвы брюкераизма в такую святую связь, как учреждения, борющиеся за здоровье человека. Всё — главное!

К сожалению, в течение года ни на одно из этих высказываний газета не получила ответа и вынуждена была обратиться по этому поводу непосредственно к министру здравоохранения СССР тов. С. В. Курашову. Его «Ответ читателям» и я, опубликован 26 апреля 1960 года.

Надо ли говорить, что отнюдь не полемический задор, а сознание чрезвычайной важности поднятой темы вынуждало газету вернуться к ней? К этому же зовут ее и письма читателей, выразивших свое неудовлетворение ответом министра.

Разумеется, невозможно было в однажды небольшом высказывании исследовать разной значимости проблемы, поднятые газетой на протяжении года. Но главное не в этом: по существу ни на одну из опубликованных статей не получен прямого ответа.

Речь же в этих высказываниях шла о явном неблагополучии с продвижением новых изобретений и новых методов лечения в некоторых институтах и отделах Министерства здравоохранения СССР.

Все критические замечания в «Ответе читателям» отвергнуты, кроме одного: упрека в задержке ответов. Отвергнуты без достаточной убедительной аргументации, что вызвало спровадившиеся нарекания читателей.

«Я рядовой читатель, тот самый читатель, к кому и адресует свое высказывание тов. Курашов. И я прямо скажу — «Ответ» меня неудовлетворил», — пишет В. Шеремет из Иошкар-Олы.

«Прочитав «Ответ» с чувством глубокого неудовлетворения», — скрещенное признание москвича А. Сердюка.

И таких читательских отзывов немало.

Есть ли для этого основания? Вернемся к статьям, прямо или косвенно оправдывавшим министерство.

О чем писали писатель А. Югов и проф. В. Рожнов в статьях «Врач и слово» и «Слово — целитель»? О проблеме, занимающей умы многих учеников и врачей-практиков, — о крайне слабом использовании в повседневной практике медицинских учреждений такого мощного лечебного фактора, как словесное воздействие, о необходимости более глубокого овладения студентами искусством психотерапии. Таким образом, речь шла о практическом применении психотерапии. «Оказывается, — писал В. Рожнов, — для внедрения в практику, в жизнь психотерапии нет ни времени, ни места».

Так ли это? Что убедиться в спрятанности утверждений В. Рожнова, стоит зайти в любой врачебный кабинет любой поликлиники и понаблюдать работу врача. По установленному нормам приема терапевт должен принять за час 6 больных, хирург — 10, невропатолог — 5 и т. д. За это время больной должен раздеться, одеться, рассказать свои жалобы, врач должен осмотреть его, выслушать, записать историю болезни, выписать рецепт, дать советы, наставления и т. д., и т. д.

Тут уж не до словесного воздействия!

Так проблема широкого применения психотерапии, внедрения ее в практику лечебных учреждений прямо сводится с другой — с проблемой разгрязки врача, освобождения его от бумажного пленка. А к этому вопросу неустанны и, увы, пока бесплодно возвращаются и врачи, и больные.

Что же ответил министр здравоохранения?

«В статье «Слово — целитель» автор (В. Рожнов) в популярной форме объясняет широкому кругу читателей значение слова в лечебной практике и предлагает ввести в практику программы медицинских вузов преподавания психотерапии. Трудно предположить, чтобы профессор, доктор медицинских наук, психиатр В. Рожнов не знал, что в преподавании клинических дисциплин большое значение придается слову как лечебному фактору. Что касается психотерапии как метода лечения отдельных заболеваний, то она является, как правило, делом психотерапевтов. Подготовка в медицинском институте не предусматривает обучения студентов — будущих врачей узким специальностям. Формирование врача как специалиста происходит в процессе его дальнейшей практической деятельности. В связи с изложенным министерство здравоохранения не может принять предложение проф. В. Рожнова».

Так разве об этом говорила А. Югов и проф. В. Рожнов? И можно ли было широкую, гражданско-значимую тему, поднятую в статьях «Врач и слово» и «Слово — целитель», свести к подобной узкоспециальной трактовке! Нет, психотерапевты должны заниматься не только психиатрами, а врати всех без исключения специальностей. И как можно «не принять» разумный врача на пленке печати, к критике общественности?

Но, к сожалению, сопоставляя статьи с ответом, видишь ту же тенденцию решительного «непринятия» критических замечаний и предложений, желание отгородиться от вмешательства общественности в дела медицинские.

Содержалось ли «rationale зерно» в письме К. Немира о судьбе новосибирского метода лечения ожогов глаз? Думается, бесспорно. Автор письма — сибирский литератор — знакомил читателя с тем, как был разработан новосибирским врачом А. Миловидовой и ее товарищами новый эффективный способ лечения ожогов глаз и какое признание получил он в Польше, Чехословакии, ГДР, но, увы, в стране Чехословакии этот метод, как пишет

чтобы в своем письме в редакцию читательница И. Морозова, — всякою радому гражданину ясно, что если кем-нибудь в Советском Союзе нашупан эфективный метод лечения той или иной болезни, этот метод должен быть проверен медицинскими научными учреждениями, и если он получит положительную оценку, то органы здравоохранения должны пропагандировать его и принимать все меры к внедрению его в лечебную практику медицинских учреждений. Только при этих условиях достижения отдельных медицинских работников могут сделаться достоянием всех лечащих врачей во всех уголках Советского Союза. Почему же в «Ответе читателям» говорится, что внедрение новых методов лечения не требует какого-то специального оформления или приказов?

Права И. Морозова: не так-то легко привлечь свою дорогу новое, если не приложить к тому усилий. За новое надо бороться! А коли нет такой борьбы, результаты оказываются плачевыми.

Недавно президиум Центрального совета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов обсудил вопрос о том, как Министерство здравоохранения СССР внедряет изобретения, рекомендованные в данном случае уже не отдельными лицами, а такой авторитетной организацией, как Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР. До этого специальная комиссия Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов сознательно ознакомилась с состоянием работы с изобретателями в Министерстве здравоохранения СССР. Результаты оказались весьма неутешительными.

Дело это в министерстве сильно запущено, — заявила руководитель комиссии Н. Савельева. — Достаточно сказать, что 249 изобретений вот уже почти восемь лет ждут «соответствующих заключений». И никто не был наказан за эту волокиту. 128 изобретений в министерстве вообще были утеряны.

В этом свете стоит остановиться на истории Митрошина, ценность которого в лечении экземы была признана бесспорной уже в 1952 году. А спустя семь лет после высказывания газеты в защиту аналогичного препарата Козякова Министерство здравоохранения сообщает, что дано специальное указание о производстве препарата Митрошина в IV квартале 1959 года. Однако и по сей день его не найдешь в аптеках.

«Я рядовой читатель, тот самый читатель, к кому и адресует свое высказывание тов. Курашов. И я прямо скажу — «Ответ» меня неудовлетворил», — пишет В. Шеремет из Иошкар-Олы.

«Прочитав «Ответ» с чувством глубокого неудовлетворения», — скрещенное признание москвича А. Сердюка.

И таких читательских отзывов немало.

Есть ли для этого основания? Вернемся к статьям, прямо или косвенно оправдывавшим министерство.

О чем писали писатель А. Югов и проф. В. Рожнов в статьях «Врач и слово» и «Слово — целитель»? О проблеме, занимающей умы многих учеников и врачей-практиков, — о крайней слабом использовании в повседневной практике медицинских учреждений такого мощного лечебного фактора, как словесное воздействие, о необходимости более глубокого овладения студентами и учащимися искусством психотерапии. Таким образом, речь шла о практическом применении психотерапии. «Оказывается, — писал В. Рожнов, — для внедрения в практику, в жизнь психотерапии нет ни времени, ни места».

Так ли это? Что убедиться в спрятанности утверждений В. Рожнова, стоит зайти в любой врачебный кабинет любой поликлиники и понаблюдать работу врача. По установленному нормам приема терапевт должен принять за час 6 больных, хирург — 10, невропатолог — 5 и т. д. За это время больной должен раздеться, одеться, рассказать свои жалобы, врач должен осмотреть его, выслушать, записать историю болезни, выписать рецепт, дать советы, наставления и т. д., и т. д.

Тут уж не до словесного воздействия!

Так проблема широкого применения психотерапии, внедрения ее в практику лечебных учреждений прямо сводится с другой — с проблемой разгрязки врача, освобождения его от бумажного пленка. А к этому вопросу неустанны и, увы, пока бесплодно возвращаются и врачи, и больные.

Что же ответил министр здравоохранения?

«В статье «Слово — целитель» автор (В. Рожнов) в популярной форме объясняет широкому кругу читателей значение слова в лечебной практике и предлагает ввести в практику программы медицинских вузов преподавания психотерапии. Трудно предположить, чтобы профессор, доктор медицинских наук, психиатр В. Рожнов не знал, что в преподавании клинических дисциплин большое значение придается слову как лечебному фактору. Что касается психотерапии как метода лечения отдельных заболеваний, то она является, как правило, делом психотерапевтов. Подготовка в медицинском институте не предусматривает обучения студентов — будущих врачей узким специальностям. Формирование врача как специалиста происходит в процессе его дальнейшей практической деятельности. В связи с изложенным министерство здравоохранения не может принять предложение проф. В. Рожнова».

Так разве об этом говорила А. Югов и проф. В. Рожнов? И можно ли было широкую, гражданско-значимую тему, поднятую в статьях «Врач и слово» и «Слово — целитель», свести к подобной узкоспециальной трактовке! Нет, психотерапевты должны заниматься не только психиатрами, а врати всех без исключения специальностей. И как можно «не принять» разумный врача на пленке печати, к критике общественности?

Но, к сожалению, сопоставляя статьи с ответом, видишь ту же тенденцию решительного «непринятия» критических замечаний и предложений, желание отгородиться от вмешательства общественности в дела медицинские.

Содержалось ли «rationale зерно» в письме К. Немира о судьбе новосибирского метода лечения ожогов глаз? Думается, бесспорно. Автор письма — сибирский литератор — знакомил читателя с тем, как был разработан новосибирским врачом А. Миловидовой и ее товарищами новый эффективный способ лечения ожогов глаз и какое признание получил он в Польше, Чехословакии, ГДР, но, увы, в стране Чехословакии этот метод, как пишет

чтобы в своем письме в редакцию читательница И. Морозова, — всякою радому гражданину ясно, что если кем-нибудь в Советском Союзе нашупан эфективный метод лечения той или иной болезни, этот метод должен быть проверен медицинскими научными учреждениями, и если он получит положительную оценку, то органы здравоохранения должны пропагандировать его и принимать все меры к внедрению его в лечебную практику медицинских учреждений. Только при этих условиях достижения отдельных медицинских работников могут сделаться достоянием всех лечащих врачей во всех уголках Советского Союза. Почему же в «Ответе читателям» говорится, что внедрение новых методов лечения не требует какого-то специального оформления или приказов?

Права И. Морозова: не так-то легко привлечь свою дорогу новое, если не приложить к тому усилий. За новое надо бороться! А коли нет такой борьбы, результаты оказываются плачевыми.

Недавно президиум Центрального совета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов обсудил вопрос о том, как Министерство здравоохранения СССР внедряет изобретения, рекомендованные в данном случае уже не отдельными лицами, а такой авторитетной организацией, как Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР. До этого специальная комиссия Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов сознательно ознакомилась с состоянием работы с изобретателями в Министерстве здравоохранения СССР. Результаты оказались весьма неутешительными.

Дело это в министерстве сильно запущено, — заявила руководитель комиссии Н. Савельева. — Достаточно сказать, что 249 изобретений вот уже почти восемь лет ждут «соответствующих заключений». И никто не был наказан за эту волокиту. 128 изобретений в министерстве вообще были утеряны.

Для этого письмо в редакцию читательницы И. Морозовой, — всякою радому гражданину ясно, что если кем-нибудь в Советском Союзе нашупан эфективный метод лечения той или иной болезни, этот метод должен быть проверен медицинскими научными учреждениями, и если он получит положительную оценку, то органы здравоохранения должны пропагандировать его и принимать все меры к внедрению его в лечебную практику медицинских учреждений. Только при этих условиях достижения отдельных медицинских работников могут сделаться достоянием всех лечащих врачей во всех уголках Советского Союза. Почему же в «Ответе читателям» говорится, что внедрение новых методов лечения не требует какого-то специального оформления или приказов?

Права И. Морозова: не так-то легко привлечь свою дорогу новое, если не приложить к тому усилий. За новое надо бороться! А коли нет такой борьбы, результаты оказываются плачевыми.

Недавно президиум Центрального совета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов обсудил вопрос о том, как Министерство здравоохранения СССР внедряет изобретения, рекомендованные в данном случае уже не отдельными лицами, а такой авторитетной организацией, как Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР. До этого специальная комиссия Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов сознательно ознакомилась с состоянием работы с изобретателями в Министерстве здравоохранения СССР. Результаты оказались весьма неутешительными.

Дело это в министерстве сильно запущено, — заявила руководитель комиссии Н. Савельева. — Достаточно сказать, что 249 изобретений вот уже почти восемь лет ждут «соответствующих заключений». И никто не был наказан за эту волокиту. 128 изобретений в министерстве вообще были утеряны.

Для этого письмо в редакцию читательницы И. Морозовой, — всякою радому гражданину ясно, что если кем-нибудь в Советском Союзе нашупан эфективный метод лечения той или иной болезни, этот метод должен быть проверен медицинскими научными учреждениями, и если он получит положительную оценку, то органы здравоохранения должны пропагандировать его и принимать все меры к внедрению его в лечебную практику медицинских учреждений. Только при этих условиях достижения отдельных медицинских работников могут сделаться достоянием всех лечащих врачей во всех уголках Советского Союза. Почему же в «Ответе читателям» говорится, что внедрение новых методов лечения не требует какого-то специального оформления или приказов?

Права И. Морозова: не так-то легко привлечь свою дорогу новое, если не приложить к тому усилий. За новое надо бороться! А коли нет такой борьбы, результаты оказываются плачевыми.

Недавно президиум Центрального совета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов обсудил вопрос о том, как Министерство здравоохранения СССР внедряет изобретения, рекомендованные в данном случае уже не отдельными лицами, а такой авторитетной организацией, как Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР. До этого специальная комиссия Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов сознательно ознакомилась с состоянием работы с изобретателями в Министерстве здравоохранения СССР. Результаты оказались весьма неутешительными.

Дело это в министерстве сильно запущено, — заявила руководитель комиссии Н. Савельева. — Достаточно сказать, что 249 изобретений вот уже почти восемь лет ждут «соответствующих заключений». И никто не был наказан за эту волокиту. 128 изобретений в министерстве вообще были утеряны.

Для этого письмо в редакцию читательницы И. Морозовой, — всякою радому гражданину ясно, что если кем-нибудь в Советском Союзе нашупан эфективный метод лечения той или иной болезни, этот метод должен быть проверен медицинскими научными учреждениями, и если он получит положительную оценку, то органы здравоохранения должны пропагандировать его и принимать все меры к внедрению его в лечебную практику медицинских учреждений. Только при этих условиях достижения отдельных медицинских работников могут сделаться достоянием всех лечащих врачей во всех уголках Советского Союза. Почему же в «Ответе читателям» говорится, что внедрение новых методов лечения не требует какого-то специального оформления или приказов?

Права И. Морозова: не так-то легко привлечь свою дорогу новое, если не приложить к тому усилий. За новое надо бороться! А коли нет такой борьбы, результаты оказываются плачевыми.

Недавно президиум Центрального совета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов обсудил вопрос о том, как Министерство здравоохранения СССР внедряет изобретения, рекомендованные в данном случае уже не отдельными лицами